

ВНИДАНДИМЕМУАРЫ ПОД ГРИФОМ  
0F5789N1DV901M02N1<СЕКРЕТНО>N10G3F5789NN05G3F578

# ХАЙНЦ ФЕЛЬФЕ



## НА ТАЙНОЙ СЛУЖБЕ У МОСКВЫ

КАК Я ПЕРЕИГРАЛ ЦРУ

Мемуары под грифом «секретно»

Хайнц Фельфе

**На тайной службе у Москвы.  
Как я переиграл ЦРУ**

«Алисторус»

2017

УДК 821.112.2-94  
ББК 84(4Гем)-44

## **Фельфе Х.**

На тайной службе у Москвы. Как я переиграл ЦРУ / Х. Фельфе —  
«Алисторус», 2017 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906947-60-4

В 1951 году советская разведка завербовала бывшего высокопоставленного сотрудника внешнеполитической разведки Третьего рейха и экс-служащего британской разведки (МИ-6) Хайнца Фельфе («Пауль»). Через несколько месяцев после этого, выполняя указание Москвы, агент поступил на службу в организацию Гелена (предшественницу БНД — внешней разведки ФРГ), которая большинство разведывательных операций против СССР проводила совместно с ЦРУ. На протяжении 10 лет «Пауль» возглавлял основной «русский» отдел: «Контршпионаж против СССР и советских представительств в ФРГ». За это время он передал в Москву более 15 тысяч секретных документов и сообщил более чем о 100 агентах ЦРУ и не допустил ни одного провала советской разведки на территории ФРГ. Через него проходили предназначенные для канцлера доклады БНД по перевооружению, внешней политике и вопросам НАТО. В 1961 году Хайнц Фельфе был разоблачен контрразведкой ФРГ и приговорен к 14 годам тюремного заключения.

УДК 821.112.2-94  
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-906947-60-4

© Фельфе Х., 2017  
© Алисторус, 2017

## Содержание

Вместо предисловия	6
От автора	10
Часть первая. Шпионаж в пользу войны	11
Годы учебы	11
Рекогносцировка в джунглях разведывательной службы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Хайнц Фельфе**  
**На тайной службе у Москвы.**  
**Как я переиграл ЦРУ**

© Фельфе Х., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

## Вместо предисловия

В 1969 году одного «тайного информатора Кремля» обменяли на 21 агента американской и западногерманской разведок. В истории «холодной войны» это был самый «дорогой» обмен. Хотя ничего удивительного в этом не было. Хайнц Фельфе работал в разведывательном ведомстве ФРГ и, в соответствии с докладом ЦРУ, передал советской разведке более чем 15 тыс. документов и выдал 100 агентов ЦРУ. Через него проходили предназначенные для канцлера доклады БНД по перевооружению, внешней политике и вопросам НАТО. В 1955 году во время визита канцлера ФРГ Конрада Аденауэра советская сторона получила от Фельфе цель визита и тактику переговоров дипломатов Германии. Единственным условием разведчика советской стороне было то, что ни один агент, о котором КГБ узнает с помощью Фельфе, не должен быть арестован. Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ.

Герой «тайной войны» родился 18 марта 1918 года в Дрездене в семье сотрудника германской полиции.

Был призван в армию, принял участие в боевых действиях на территории Польши, но в середине сентября 1939 года попал в госпиталь с воспалением легких. После тяжелой болезни был демобилизован по состоянию здоровья.

Получив среднее образование в 1941 году и успешно выдержав отборочный экзамен, был зачислен в штат охранной полиции в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА). Затем его откомандировали на учебу на юридический факультет Берлинского университета. Кроме лекций на факультете он посещал еще курсы по подготовке комиссаров уголовной полиции. После их завершения, не окончив университетского курса, был направлен на работу в уголовную полицию родного Дрездена, а затем – пограничного городка Гляйвица.

В августе 1943 года Фельфе был переведен в VI управление Главного управления имперской безопасности (внешняя разведка). Спустя некоторое время он стал руководителем отдела по Швейцарии.

В конце войны его в звании гауптштурмфюрера СС направили в Нидерланды для организации заброски диверсионных групп в тыл американско-английских войск. Правда, выполнить данное задание Фельфе не успел, поскольку в мае 1945 года попал в плен к англичанам. Из плена был освобожден в октябре 1946 года.

Затем он недолгое время работал на британскую секретную службу МИ-6 в Мюнстере (сообщил о коммунистической деятельности Кёльнского университета), однако вскоре сотрудничество было прекращено, так его подозревали в том, что он работает как двойной агент.

После работы в МИ-6 Фельфе поступил в Боннский университет и продолжил обучаться на факультете государства и права. Затем он некоторое время работал журналистом, объездил всю Германию, часто посещая советскую зону оккупации, где проживала его мать.

Тогда же он стал периодически встречаться с бывшим сослуживцем по VI управлению РСХА гауптштурмфюрером Гансом Клеменсом, еще не зная, что последнего еще в 1949 году завербовал сотрудник дрезденского оперативного сектора аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии Иван Сумин. От «Хане» (оперативный псевдоним Клеменса) были получены сведения о деятельности германских спецслужб в годы войны, а также установочные данные на их сотрудников. Среди прочих Клеменс упомянул и Фельфе, которого охарактеризовал как способного, порядочного и весьма честолюбивого человека.

Тогда же «Хане» получил задание внедриться в «Организацию Гелена». Данная структура начала формироваться еще в 1946 году под неусыпным контролем США. А ее активная деятельность против советских оккупационных войск в Германии и Австрии, а также подрывная работа против ГДР заставляла советскую разведку предпринимать серьезные контрмеры. В 1950 году «Хане» был зачислен в штат «Организации Гелена».



Тем временем сотрудники разведотдела аппарата уполномоченного МГБ в Германии, проанализировав данные о бывших сотрудниках СД, полученные от Клеменса, пришли к выводу, что Фельфе является перспективным кандидатом на вербовку.

Выйти на Фельфе было решено через Клеменса, который на правах старого знакомого мог говорить с ним достаточно откровенно.

В конце лета 1950 года они встретились за ужином в ресторане. В ходе беседы Клеменсу удалось убедить Фельфе в том, что русские не только лучше относятся к немцам, нежели американцы и англичане, но, в отличие от них, до образования в 1949 году ФРГ неоднократно выступали за объединение Германии. Аргументы Клеменса показались Фельфе убедительными, и он согласился встретиться с представителем советской разведки. Эта встреча состоялась через месяц, но согласие работать на Москву Фельфе дал только 11 августа 1951 года.

Учитывая прошлое Фельфе, Сумин рекомендовал ему поступить на службу в «Организацию Гелена». Однако первые две попытки попасть на работу в ОГ не увенчались успехом. И только осенью 1951 года с помощью Клеменса и своего знакомого Вилли Кирхбаума, служившего в годы войны в тайной полевой полиции (ГФП), он получил предложение перейти на службу в Пуллах.

Его зачислили в генеральное представительство «L» «Организации Гелена» в Карлсруэ. Оно действовало под вывеской торговой фирмы, шефом которой был бывший сотрудник абвера Бенцингер. Работа началась с изучения архивных дел и поиска кандидатур для вербовки. Здесь Фельфе столкнулся с тем, что геленовская разведка работала не только против Востока. Как он сообщал в Центр, в 1951-м и 1952 годах генеральное представительство интенсивно работало над приобретением агентуры в ключевых экономических и политических сферах ФРГ и Западного Берлина. Заводились досье на ведущих политиков не только правящих партий, но и оппозиционных.

Работа Фельфе в «Организации Гелена» и одновременное сотрудничество с советской разведкой требовали предельной осторожности и безоговорочного выполнения всех требований конспирации. На каждую встречу с советским разведчиком Фельфе или Клеменс, который тоже стал работать в организации Гелена, привозили по 10–12 отснятых фотопленок и пару магнитофонных катушек. Спустя год с разрешения Москвы Фельфе начал использовать в качестве связника еще одного своего коллегу, Эрвина Тибеля. Таким образом, постепенно сложилась агентурная группа, где лидером являлся Хайнц Фельфе – интеллектуал и отличный организатор.

Вскоре Москва поставила перед Фельфе очередную задачу – перевестись в центральный аппарат «Организации Гелена», расположенный в небольшом городке Пуллах, под Мюнхеном. В июле 1955 года канцлер Аденауэр принял решение о реорганизации разведывательной службы государства. Он хотел создать самостоятельную разведывательную службу, вне контроля ЦРУ.

В 1958 году, два года спустя после переименования «Организации Гелена» в Федеральную разведывательную службу (БНД), Фельфе возглавил реферат «Советский Союз» в отделе 111-Ф (контршпионаж) и одновременно стал правительственным советником. Коллеги из реферата «ГДР» завидовали Фельфе, так как его дела шли лучше, чем у них. Вскоре он купил дом в Баварии, и многие сослуживцы стали задаваться вопросом, откуда такие средства. За Фельфе уже было установлено наблюдение.

С 1956 года с ним регулярно встречался сотрудник советской резидентуры в Германии Виталий Коротков. Много лет спустя он рассказал:

«Тогда я работал в берлинском представительстве КГБ. Мне поручили принять на связь ценного источника „Курта“. Первая встреча с Фельфе состоялась на конспиративной квартире. В комнату вошел высокий худощавый человек. Держался он скромно, но с достоинством. Не

тратя времени на пустые разговоры, перешел к делу. Хайнц говорил, взвешивая каждое слово, стараясь довести до собеседника самое важное.

Мне приходилось тщательно готовиться к каждой встрече, подыскивать подходящие места. По роду своей службы он приезжал в Западный Берлин для консультаций с американцами, а после бесед с ними тайно виделся со мной. Случались и казусы. Так, однажды наша встреча была замаскирована под безобидный пикник на природе. Хайнц, как обычно, передал мне ценные сведения. Вдруг мы заметили, что к нам приближается человек в форме. Обоих обожгла мысль: „Неужели это провал? Что делать?“. Пришлось напрячь всю волю, чтобы подавить волнение и не выдать себя. А человек в форме оказался обычным лесником».

Благодаря Хайнцу Фельфе советская разведка не имела ни единого провала в ФРГ. Рейнхарда Гелена эти провалы контрразведки навели на мысль, что утечка исходит из его службы. Позже в своей книге он напишет:

«Под моим личным руководством небольшая группа надежных и избранных сотрудников продолжила перепроверку, пока через несколько месяцев кропотливой работы, похожей на складывание мозаики, подозрительные моменты не превратились в общую картину».

В октябре 1961 года Фельфе попросил у руководства БНД отпуск. Он надеялся, что, отдохнув от двойных нагрузок, поработав в саду своего загородного домика, он сможет обрести душевный покой и бодрость духа. Но уже через несколько дней после отъезда в свой дом, находившийся на границе с Тиролем, Хайнц Фельфе получил приказ срочно выехать в Пуллах. Ему надо было явиться к уполномоченному Гелена генералу Лангкау для доклада по одной операции.

6 ноября 1961 года Фельфе прибыл для доклада. После окончания беседы с Лангкау в кабинет вошли чиновники криминальной полиции, которые объявили Фельфе, что он арестован. Одновременно были взяты под стражу и другие члены его разведывательной группы.

В период с 1951-го по 1961 год Фельфе и его соратники-агенты передали советской разведке около 300 микропленок, содержащих свыше 15 тыс. фотокопий секретных документов, 20 магнитофонных записей, в том числе – секретные отчеты БНД, ежемесячные отчеты контрразведки и сообщения Федерального ведомства по охране конституции об операциях против агентов восточноевропейских стран, ключи к кодам, данные о тайниках и маршрутах курьеров БНД. Фельфе выдал советской разведке имена 94 западногерманских агентов. Гонорары его составили 150 тыс. марок ФРГ.

Фельфе отказался сотрудничать со следствием и в 1963 году был приговорен к четырнадцати годам лишения свободы. Восемь из них он провел в тюрьме в Баварии. Ему предлагали написать книгу о том, как он работал на русских, сулили миллион долларов в качестве гонорара. Но Фельфе не согласился.

17 февраля 1969 года Фельфе удалось обменять на восемнадцать агентов западногерманской и троих агентов американской разведки. Сама процедура обмена, как вспоминает Виталий Коротков, прошла буднично.

«Обмен состоялся на пограничном переходе Херлесхаузен между ГДР и ФРГ. С восточной стороны к КПП подъехал автобус с западными шпионами. С западной – легковушка с одним-единственным человеком, которому не было цены».

За выдающийся вклад в укрепление безопасности Советского Союза, за многолетнее плодотворное сотрудничество с советской разведкой указами Президиума Верховного Совета СССР Фельфе был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Руководство КГБ вручило разведчику нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности».

До 1978 года Фельфе жил в Москве, а затем переехал в Берлин, где занял пост профессора криминалистики в Университете им. Гумбольдта в Берлине.



Умер он 8 мая 2008 года в Берлине<sup>1</sup>.

*Александр Север*

---

<sup>1</sup> *Карих М.* Звезда Хайнца Фельфе // Военно-промышленный курьер. 2008 год. 19 марта; *Иванов Д.* Ветеран разведки Виталий Коротков: «Курта» обменяли на целый автобус западных шпионов // Известия. 2007 год. 20 декабря; *Егоров В.* Под боком у Гелена // Сб. Профессия: разведчик. Д. Блейк, К. Фукс, К. Филби, Х. Фелфе. – М., 1992. – С. 293–366; *Дегтярев К.* Внешняя разведка СССР. – М., 2009. – С. 703; *Север А.* Мост шпионов. – М., 2015. – С. 132–135.

## От автора

Эта книга написана в 1985 году. В ее основу легли записи, сделанные мной весной 1969 года – вскоре после освобождения из тюремного заключения в ФРГ, – в которых я зафиксировал свои воспоминания (в первую очередь для себя самого) о годах Второй мировой войны и наступившей затем конфронтации между Востоком и Западом. О публикации книги тогда еще не думал. Однако, когда в 1985 году мое имя стало все чаще называться в прессе ФРГ и других стран Запада в связи с разоблачениями боннских шпионских афер, я решил сказать свое слово и опубликовать эту книгу, вначале в Федеративной Республике Германии.

Я хотел показать, что вопреки решениям держав-победительниц часть генерального штаба вермахта «третьего рейха», не понеся никакого ущерба и не пройдя демократического перевоспитания, продолжила прежнюю работу 12-го отдела генерального штаба под названием «иностранные армии Востока», а именно: ведение разведки против Советского Союза и других социалистических стран. Вначале под патронажем американцев, а с 1956 года в рамках самостоятельной федеральной разведывательной службы (БНД).

Я постарался объективно показать свой жизненный путь, который привел меня от службы в нацистском Главном управлении имперской безопасности к работе разведчика-интернационалиста. В западногерманском издании я использовал материалы из различных архивов. Для читателей этого издания некоторые места получили дополнительные пояснения, отдельные, разрозненные отрывки на сходные темы собраны воедино, убраны некоторые повторы, вкравшиеся опечатки и неточности.

*Хайнц Фельфе*

*Берлин, осень 1987 года*

## Часть первая. Шпионаж в пользу войны

### Годы учебы

В детстве я не высказывал определенного желания относительно будущей профессии. Я только знал, что не хочу быть чиновником, как мой отец. Скорее меня влекло к техническим специальностям, хотел стать инженером, например.

Но это никак не касалось моего отношения к отцу. Чистый и честный по характеру, прямолинейный по своим политическим взглядам, он многое дал мне и решающим образом повлиял на формирование моего характера. Для меня он, если не брать его профессию, был примером. После окончания военной службы отец поступил на работу в полицию и дослужился до должности начальника отдела по наблюдению за нравами в Дрездене. Отец был начитанный, стремящийся к расширению своего кругозора человек. Раз в месяц он обязательно ходил в оперу. От него я унаследовал тягу к знаниям, хотя в школе это на первых порах и не проявлялось. Каждую субботу я получал от него в подарок книгу. К дням рождения, рождеству и другим памятным датам от отца и других родственников я получал в среднем ежегодно до 20 книг, и скоро моя библиотека стала очень большой. К сожалению, она была полностью уничтожена 13 февраля 1945 года во время англо-американского воздушного налета на Дрезден – город Августа Сильного и Сикстинской мадонны.

Кроме того, отец для меня являлся олицетворением доброты. Он никогда не поднимал на меня руку, потому что был убежденным противником насилия в любой форме.

В 1928 году отец вышел на пенсию. Над Германией в это время начали сгущаться злоеющие тучи экономического кризиса, безработицы и ожесточения политических нравов. Беспомощно и с разочарованием смотрел он на развитие событий, на крах своей мечты о спокойной и обеспеченной старости. Теперь пришлось приспосабливаться к существующим условиям. Однако нужда не поселилась в нашем доме, у нас даже еще оставались средства и на то, чтобы оказывать помощь другим.

Как чиновник отец отличался исключительной пунктуальностью. Даже почерк его мог служить образцом каллиграфии. Став пенсионером, он по-прежнему не терпел расхлябанности. На каждый день и неделю у него всегда имелась четкая программа.

Отец был беспартийным и считал, что чиновнику заниматься активной политической деятельностью не следует, хотя он должен обладать активным политическим мышлением. Это, по его мнению, было необходимо для того, чтобы, во-первых, всегда действовать «в высших интересах немецкой нации» и, во-вторых, сохранять «собственное критическое политическое суждение». Так отец последовательно воспитывал и меня.

Он любил Германию, гордился вкладом своей родины в мировую культуру. Политическую и моральную этику немецкого чиновника отец видел в том, чтобы верно служить своему отечеству и подчинять ему личные интересы. Дисциплина, порядок и прилежание были для него неприкосновенными добродетелями и решающими факторами, которые, по его мнению, должны гарантировать внутреннюю сплоченность всего немецкого народа. Действовать в этом направлении он считал своим высшим патриотическим долгом. Отсюда логически следовало, что нарушение дисциплины и порядка является предательством интересов Германии, подрывом ее национальных устоев, ее добродетелей и силы независимо от того, с чьей стороны это нарушение исходило. В этой связи он выступал даже за чрезвычайные меры, если существующие законы не обеспечивали спокойствие и порядок, отдавал приоритет военным мерам перед политическими, юридическими, экономическими и другими соображениями.

Отец считал, что на Германии в историческом и географическом плане лежит особое обязательство быть для народов Европы образцом порядка и дисциплины. Таким был мой отец. Когда я, находясь в плену в Нидерландах, узнал о его смерти, то пролил немало слез.

О моей матери мало что можно сказать. Она была второй женой отца и на двадцать лет моложе его. Очень энергичная, а иногда импульсивная, она определенным образом дополняла по характеру отца. Ее родители имели дело в Баутцене<sup>2</sup>. Когда в городе бывали базарные дни, сорбские крестьяне оставляли свои товары в доме бабушки и дедушки, где я часто гостил. Беседы с крестьянами для меня всегда оказывались интересными, и я даже познакомился поближе с одним пареньком из их среды. Позже он стал священником. Для сорбского крестьянского сына это кое-что значило. Во времена нацизма я с ужасом узнал, что его арестовали. Впечатления от тесного общения с сорбами (мой отец тоже говорил по-сорбски) были одной из причин того, что я никогда не мог понять и тем более одобрить расовую теорию нацистов.

Школа, в которую меня отдали родители по рекомендации одного знакомого профессора педагогики, была основана в Дрездене после Первой мировой войны и считалась передовым для того времени государственным учебным заведением. В процессе обучения в ней опробовались и применялись новейшие знания в области педагогики и юношеской психологии. Для новичков эта школа выглядела, наверное, чем-то вроде страны чудес. Совместное обучение мальчиков и девочек, обмен учениками между классами, регулярное пребывание одного из классов в полном составе в школьном интернате в сельской местности – конкретные примеры новых для того времени методов школьного воспитания. Развитие на специальных курсах музыкальных способностей или склонности к ремеслам было так же естественно, как и преподавание в небольших по числу учеников – от 15 до 30 человек максимум – классах. Столы и стулья для учащихся с первого класса, практическая работа с микроскопом и инструментами для анатомического препарирования, с теодолитом и мерной рейкой, регулярная демонстрация кинофильмов и ежегодные выборы директора школы коллегией учителей – все это являлось новшеством для двадцатых годов.

Непререкаемым принципом считалось, что каждое мнение заслуживает внимания, если оно излагается серьезно и обоснованно и если даже с ним не согласны остальные. Контраргументы требовалось также всегда высказывать открыто. Так, при содействии учителей уже в ранние годы у учеников воспитывалось чувство уважения к духовному миру и уровню других. Сами учителя вели преподавание в таком же духе.

В школе уделялось также должное внимание спортивной подготовке. Моим тщеславным желанием было входить в число лучших по этому предмету, что мне часто и удавалось. Регулярно мы совершали туристские походы, которым очень радовались. И единственное, что омрачало тогда нашу жизнь 10–12-летних подростков, так это необходимость после двух походов писать сочинение о своих впечатлениях.

В школе не выставляли оценок в обычном смысле, а выносили суждения. Поскольку преподавательский состав и учебный план являлись для того времени прогрессивными и никак не соответствовали господствующим тогда представлениям, школа вскоре прослыла «красной». Действительно, часть учителей находилась под влиянием социалистических идей, поэтому многие семьи из прогрессивных кругов посылали своих детей именно в эту школу. Это привело к тому, что разница в социальном положении семей и их политических взглядах не являлась барьером между учениками, как в других школах, терпимость ко взглядам других и дружеские чувства были в порядке вещей.

---

<sup>2</sup> Город в области, заселенной преимущественно сорбами – славянским меньшинством в Германии, сейчас входит в состав ГДР. – *Прим. перев.*

Из того, что мне дала школа, помимо общеобразовательных знаний следует отметить основы ремесла и развитие музыкальных задатков. Я посещал уроки игры на фортепьяно и виолончели. В школьном оркестре играл на виолончели, а также на контрабасе. В это же время у меня пробудился интерес к социальным вопросам, политике и особенно истории. Контакт со школьными товарищами из семей с марксистской ориентацией, вся атмосфера в школе способствовали тому, что я никогда не испытывал страха перед коммунизмом или коммунистами, присущего немецкому бюргерству, и впоследствии это значительно облегчило мне принятие личных решений.

Эта школа, носившая имя Альбрехта Дюрера, на десятилетия предвосхитила свое время. Поэтому естественно, что после 1933 года<sup>3</sup> она никак не вписывалась в структуру страны и после нескольких неудачных попыток привести ее в соответствие с господствовавшими представлениями была закрыта в 1936 году. Некоторых учителей еще до этого либо уволили, либо направили в другие школы.

Но я к тому времени уже решил оставить школу и заняться практической подготовкой к профессии инженера. Я, конечно, сожалел, что школу закрыли, но о причинах этого особенно не задумывался.

Среди молодежи того времени считалось хорошим тоном входить в скаутские организации. В десять лет я также вступил в союз свободных скаутов, который откололся от объединения немецких скаутов. Руководителем свободных скаутов являлся местный врач, с его племянником я дружил. Но эта группа, стоящая на довольно левых позициях, вскоре самораспустилась. Затем я вступил в национал-социалистский союз учащихся. Мое решение не было политическим, поскольку такового трудно ожидать от мальчика в тринадцать лет. Это была скорее реакция противодействия, потому что саксонское министерство культуры в 1931 году запретило принадлежность к союзу. Для молодежи запретный плод сладок как тогда, так и сейчас, не важно, идет ли речь о набеге на чужие яблони или о предписании соблюдать покой и порядок.

Когда 30 января 1933 года президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером и поручил ему формирование правительства, в родительском доме это было воспринято без всяких эмоций. За минувшие годы было слишком много выборов в рейхстаг и новых правительств, которые приносили только разочарование. Единственное, на что надеялись мои родители – и эту надежду разделяли очень многие, – что наконец будет найден выход из экономического беспорядка и нищеты.

Еще перед приходом Гитлера к власти национал-социалистский союз учащихся распустился и он полностью вошел в состав организации «гитлерюгенд» («гитлеровская молодежь»). Но шумливая деятельность местного руководства этой организации меня не устраивала, и между нами сразу же возникли конфликты. Кроме того, во мне усмотрели «идейного уклониста», причислив к сторонникам отколовшейся от НСДАП фракции под названием «Черный фронт», которая считалась «социал-революционной». По-видимому, это послужило причиной того, что меня решили куда-нибудь сплавить и затем письменно уведомили о моем переводе в состав отрядов СА. Я воспротивился, потому что мне в то время еще не исполнилось восемнадцать лет. До 18 марта 1936 года, то есть до моего восемнадцатилетия, я как бы находился в «политическом отпуске». Но после руководство организации «гитлерюгенд» вновь решило направить меня в СА, однако я и на этот раз не согласился. «Если уж куда-нибудь идти, – говорил я, – то лучше в СС, я не хочу иметь ничего общего с этими хулиганами из СА». СС казалась мне более благородной и солидной организацией. Ее подлинное лицо я, конечно, тогда распознать не мог, тем более что все прикрывалось большой демагогией. В СС я стал членом автоклуба и получил права на вождение автомашины и мотоцикла, а также на участие в мото-

---

<sup>3</sup> Год прихода Гитлера к власти. – Прим. перев.

кроссах. Будучи молодым и здоровым, я радовался возможности найти в этом клубе выход своей энергии и азарту.

Я был убежден, что Гитлер дал наконец немецкому народу то, в чем он нуждался в смутное время Веймарской республики: ясную цель, строгий порядок и дисциплину. Во всяком случае, так думал мой отец, и я считал, что он прав. Мне это казалось разумным, а значит, и необходимым. Следовало разорвать цепи Версаля, мобилизовав для этого все силы. Без порядка и дисциплины это было невозможно сделать. А партия Гитлера, по моему тогдашнему разумению, как раз и заботилась о наведении порядка и дисциплины.

Таким образом, будучи еще совсем молодым человеком и находясь под влиянием моей деятельности в эсэсовском клубе, я видел в национал-социалистском движении силу, которая может повести Германию к новому экономическому и политическому расцвету. Если просачивалась информация о жестоком терроре, о преступлениях нацистов, то мы считали это злобной вражеской пропагандой или распространением сплетен.

О коммунизме и его целях у меня тогда были совершенно неверные представления. Я даже не хотел над этим размышлять, поскольку – как я тогда представлял – коммунизм, стремясь к полной ликвидации частной собственности, вызовет большой хаос, а Германия в этом совершенно не нуждалась. Для меня, не имевшего никаких познаний, но полного предрассудков, коммунизм был тогда просто неприемлем. Кроме того, я верил национал-социалистской демагогии. Например, когда я в конце мая 1938 года узнал о смерти известного мне публициста Карла фон Осецкого, у меня и мысли не возникало, что он мог умереть в результате унижений и истязаний в фашистском концлагере. И если бы мне об этом сказали, я бы все равно не поверил. Я был ослеплен.

Еще один пример. Я, как и мои друзья, был убежден, что Гитлер своим Мюнхенским соглашением в конце сентября 1938 года предотвратил войну. В своем юношеском восторге мы думали: этот человек, этот Гитлер, он добьется всего, чего хочет, он настоящий фюрер. Как мы могли тогда осознать, чем являлось Мюнхенское соглашение на самом деле, что это – поджигательский скачок ко Второй мировой войне? Но я, кажется, забегаю вперед.

Кто помнит эти времена в Германии на основе личного опыта, тот поймет мои мысли. После Олимпийских игр в Берлине в 1936 году, на которых я тоже присутствовал, среди молодежи распространились эйфорические и одновременно националистические настроения. Заграница полностью признала Германию. Дискриминация после Первой мировой войны, репарации, внутренняя разобщенность – все было забыто, все, казалось, двигалось вперед по мирным рельсам и выглядело так, как будто перед нами лежит долгое мирное будущее. Такие мысли и чувства владели не только нами, молодыми, но и взрослыми. И мы, не имеющие жизненного опыта, не могли заглянуть поглубже. Предостерегающих голосов либо не слышали, либо не обращали на них внимания, поскольку они нам казались абсурдными.

Между тем я стал все чаще ощущать усталость от учебы в школе и начал приставать к отцу, чтобы он разрешил мне ограничиться неполным средним образованием. Мой отец считал меня уже достаточно взрослым и созревшим для того, чтобы отвечать за собственные решения, и согласился. Не последнюю роль при этом сыграли материальные соображения, так как пенсия отца не повышалась вместе с начавшимся ростом дороговизны, а посещение средней школы стоило теперь в месяц в два раза дороже. Учебные пособия и другие школьные принадлежности тоже подорожали. Оглядываясь назад, я должен сказать, что дальнейшее обучение практическим путем мне не повредило. Однако это был кружный путь, и притом каменистый.

После окончания школы весной 1934 года я начал обучаться точной механике на заводе оптических приборов. Это было как раз то, что соответствовало моим тогдашним запросам. Я хотел быть инженером и стал посещать вечернюю школу инженеров, одновременно изучая на вечерних курсах стенографию. Но вскоре я понял, что моих технических способностей хватало только для применения в домашнем обиходе, как основа для специальности они оказались

недостаточными. Тогда у меня уже пробудился интерес к духовным, гуманитарным специальностям. Я долго раздумывал, чем мне заняться: медициной, историей или правоведением? От своих друзей я достаточно наслышался о все возрастающих трудностях при изучении медицины. Особенно много рассказывали о страшном экзамене после пятого семестра, перед которым все дрожали. И я решил, что, изучая юриспруденцию, смогу легче преодолеть стоявшие в то время перед каждым студентом трудности и буду лучше чувствовать себя именно в этой области. Способности к абстрактному мышлению, необходимые для этих наук, у меня имелись. Кроме того, юридическое образование давало ключ ко многим профессиям, таким, например, как судья, прокурор, бургомистр, дипломат, юрисконсульт, адвокат. Юристы могли также работать в экономике, промышленности, в области финансов. Такой широкий диапазон меня привлекал, поскольку, если избранное занятие окажется неподходящим, можно будет легко сменить поле деятельности. Так я и решил остановиться на изучении вопросов права и государства.

Но прежде всего следовало получить свидетельство о полном среднем образовании. А тут меня призвали на трудовую повинность, что, казалось, уже обрекало мои планы на неудачу. Однако руководство трудового лагеря, куда я был направлен, узнав о моих намерениях, переадресовало меня в числе 33 таких же кандидатов в другой лагерь, где в рамках созданного тогда союза по содействию студентам рейха проводилась ускоренная 18-месячная подготовка к сдаче так называемых «экзаменов для одаренных» за курс полной средней школы. Четверых из 33 кандидатов, в том числе и меня, допустили к этим экзаменам.

В сентябре 1939 года моим планам чуть не помешала развязанная Гитлером мировая война. После десятидневного участия в военных действиях я очутился в госпитале с тяжелым воспалением легких и больше в строй не вернулся. В госпитале у меня было достаточно времени, чтобы подумать о смысле войны. Я находил ее оправданной и необходимой, так как по-прежнему верил всему, что изрыгала мощная пропагандистская машина Геббельса. Если обновление Германии в данный момент может быть осуществлено только путем войны, то мы, значит, должны пройти этот тяжелый путь ради такой великой цели. Я надеялся, что он окажется коротким и не будет стоить Германии больших жертв. Первоначальные успехи вермахта укрепляли меня в этой иллюзии. Но то, что это будет для нашего народа путь, ведущий ко все возрастающим жертвам и даже к гибели нации, я начал осознавать все больше и больше только позднее.

Мое выздоровление затягивалось. Меня перевели в Дрезден, в местный госпиталь. Подготовка к сдаче экзаменов за полную среднюю школу уже началась, и по моей просьбе мне дали продолжительный отпуск, а вместе с этим и денежное довольствие. 28 февраля 1940 года меня по состоянию здоровья демобилизовали из вермахта, и я смог со всей энергией посвятить себя достижению поставленной цели.

Преподаватели на курсах были в большинстве своем высококвалифицированными специалистами. И мы все учились с прилежанием и настойчивостью, соблюдая дисциплину и помогая друг другу. Когда в марте 1941 года подошли экзамены, преподаватели дрожали не меньше нас: независимый государственный экзаменационный инспектор не знал жалости. Но скоро и он убедился, что мы полностью владели материалом.

Итак, свидетельство о полном среднем образовании было у меня в кармане, а вместе с ним и возможность поступить в один из университетов для изучения правовых наук.

Еще за несколько месяцев до экзаменов на аттестат зрелости у нас на курсах появились представители различных государственных учреждений, которые начали вербовать нас на службу в своих ведомствах и отраслях, естественно, при условии успешного окончания в дальнейшем высшего учебного заведения.

Меня заинтересовала служба на руководящих постах в охранный полиции прежде всего потому, что вербовщик от этого ведомства упомянул о возможности получить место полицей-



ского атташе в дипломатической службе. Такие должности уже существовали в Токио, Риме, Виши и Мадриде.

После отборочного экзамена, на котором проверялись только имеющиеся знания и степень спортивной подготовки, я был вновь призван на военную службу и затем откомандирован в Берлин на учебу как кандидат на руководящую работу в охранной полиции, входившей в СС. Конечно, это были гораздо более благоприятные обстоятельства, чем они складывались для меня в начале войны в Польше.

Мне назначили ежемесячную стипендию в 180 рейхсмарок (тогда этого вполне хватало на жизнь), полностью компенсировали плату за учебу, а также выдали деньги на учебные пособия. Так я начал жизнь студента со свободным посещением Берлинского университета Фридриха-Вильгельма, ныне Университет им. Гумбольдта! Единственно обязательным было являться раз в неделю на специальные лекции и коллоквиум, которые велись эсэсовскими юристами и знакомили с полицейским правом и вообще со службой. Позже прибавились еще обязательные занятия спортом, особенно верховой ездой и фехтованием. По крайней мере, на бумаге я числился служащим в системе Главного управления имперской безопасности (РСХА) и, как таковой, пользовался бесплатным проездом на всех видах транспорта Берлина.

Должен сознаться, что меня тогда захлестывали эмоции. Мы, откомандированные на учебу служащие СС, чувствовали себя элитой нации, призванной осуществить грандиозные предначертания ведущей роли немецкой нации, в которые твердо верили. По-другому мы и не могли чувствовать. Кипевшие в нас критические настроения и дух протеста молодости ловко и бесстыдно использовались, чтобы привлечь нас к осуществлению преступных целей Гитлера. В то же время нам казалось, что мы были свободны от всякого принуждения и вели вольную студенческую жизнь в Берлине, которая давала большие возможности для удовлетворения наших интересов. Единственное, на что можно было пожаловаться, так это только на то, что лекции были переполнены слушателями, тем самым уменьшалась возможность более интенсивного обучения и контакта с профессорами. Я испытывал большую тягу к знаниям и кроме обязательных по учебной программе дисциплин захватывал и другие области, посещая лекции по криминологии, судебной медицине, психологии, графологии, по вопросам преступности среди молодежи и др., хотя экзаменов по ним не было.

Если в Дрездене я вращался в узко ограниченном кругу, то сейчас передо мной открывались широкие возможности контактов, которые я активно использовал. Я считал своим долгом как можно глубже знакомиться с самыми разными духовными течениями того времени, читал книги Бруно Брема, Ганса Гримма, Томаса Манна, увлекся романом Ремарка «На Западном фронте без перемен». Большое впечатление на меня произвела книга англичанина Уорвика Дипинга «Капитан Сорелл и его сын». Особое любопытство возбуждали во мне книги, сожженные нацистами на костре перед Берлинской оперой. Я всячески старался достать их.

Нам был хорошо известен Эрнст Тельман под именем Тедди. Определенное впечатление производили на нас и такие известные тогда личности, как анархист Макс Хельц, такие противники Гитлера, как, например, пастор Мартин Нимеллер, епископ Мюнстера граф Гален, призывавший в своих пасторских посланиях к борьбе против нацистов. Причины нашего интереса не были политическими, просто эти люди привлекали тем, что выступали против чего-то и мужественно отстаивали свое мнение. Имея привычку думать самостоятельно и объективно, я, конечно, замечал противоречия между словами и делами руководства рейха, но считал это неизбежной болезнью роста движения, сопутствующим явлением. Тем не менее я все-таки стал более критически относиться к тому, что видел, точнее формулировать свое мнение. Как это ни парадоксально звучит для сегодняшнего читателя, но немаловажными в этом плане оказались еженедельные коллоквиумы с участием специалистов из СС. На них (так сказать, в своем кругу) с непривычной для меня откровенностью говорилось о всех недостатках в партии и государственном аппарате и указывалось, что после войны появится необходимость

проведения различных реформ и на нашу долю – будущего поколения руководящих кадров – выпадут задачи решающего значения. Партия подвергнется чистке, государственный аппарат будет изменен в направлении его большей целесообразности. Все это, разумеется, было просто активной демагогией.

Сейчас это трудно понять, но нам тогда все казалось правдоподобным. Более того, именно такую задачу мы считали своей миссией. Она была решающим стимулом принятых нами обязательств. Однако в любом случае нам оставалось присуще одно: критическое отношение ко всему. Мы позволяли себе многое, что других привело бы к суду за пораженческие настроения. У нас был, например, профессор по государственному праву, которого сместили с высокой должности в СС за открытое высказывание своего несогласия с методами и способами ведения войны. Он и перед нами разъяснял и отстаивал свою точку зрения. Однако подобные случаи были абсолютным исключением, а мы их, к сожалению, ошибочно считали нормой, и это опять-таки входило в намерения нацистских пропагандистов.

Между прочим, я читал и «Берлинер локальбанцайгер», и «Фелькишер беобахтер»<sup>4</sup>, но так, между делом, и никогда их не выписывал. А надо было, наверное, читать повнимательнее, используя существовавшие во мне зачатки критического отношения. Тогда кое-что, происшедшее позднее, не смогло бы застать меня врасплох.

Неизгладимый след в моей жизни оставило воскресное утро 22 июня 1941 года. Еще лежа в постели в своей студенческой комнате, я включил радио. Необычные звуки фанфар предвещали какое-то важное известие. С большим волнением и замешательством выслушал я сообщение диктора о том, что началась новая война, а именно на Востоке, против Советского Союза. Я уставился на висевшую на стене карту мира и сопоставил размеры маленького великогерманского рейха с огромной территорией Советского Союза. Ганс фон Зеект и многие другие офицеры германского генерального штаба все время предупреждали против войны с Россией. Что же произошло?

К этому вопросу для меня, будущего юриста (их тогда называли «хранители права»), прибавился еще один. Как могло руководство «третьего рейха» так запросто растоптать заключенный всего лишь 23 августа 1939 года с Советским Союзом договор о ненападении? Этот договор играл в наших дискуссиях большую роль, мы приветствовали его. И вот теперь рухнула надежда на скорое окончание войны, длившейся уже два года. Этого я постичь не мог. И цеплялся за мысль, что все еще обойдется.

Я подал заявление о допуске к досрочному экзамену за университетский курс по нормам военного времени и получил разрешение. Вместо пяти курсовых работ мне следовало написать только одну. И такую выгоду упускать было нельзя. Значит, предстояло интенсивно поработать, так как никто не мог предвидеть, какие еще неожиданности принесет война. Одно было ясно: необходимо как можно быстрее закрепить достигнутое на пути к избранной профессии, получив диплом или аттестат.

Но со страхом ожидавшиеся «сюрпризы» войны уже очень скоро дали себя знать. Срок и объем обучения в университете был сокращен. Во всех учреждениях и на всех предприятиях проводилось прочесывание кадров, чтобы перебросить освободившихся людей на Восточный фронт.

В университетах тоже просеивали кадры, например ассистентов, незаменимых и исполнительных помощников заведующих кафедрами, а это привело к тому, что немногие оставшиеся не смогли обеспечивать весь объем работы. Большое число лекций либо сократили в объеме, либо вообще вычеркнули из плана. Доценты меняли свою гражданскую одежду на серо-зеленую полевую форму, за ними последовало и немало студентов. Оставшиеся студенты едва ли могли эффективно продолжать учебу.

---

<sup>4</sup> Нацистские газеты в гитлеровской Германии. – Прим. перев.

Вообще в университете воцарилось настроение как перед концом света. Те, кто смог избежать отправки на фронт, предавались радостям жизни, а на учебу смотрели только как на пустую формальность. Кроме того, мы, еще будучи студентами, чувствовали, с каким презрением относилось государственное руководство к юридическим наукам. Ведь именно Гитлер часто нападал на судейское сословие и всячески принижал его значение. Нам уже было известно его намерение создать новый тип «хранителей порядка». На эту же тенденцию указывал новый метод политического руководства в вопросах права, который выражался в простой регистрации слишком мягких приговоров по отношению к настоящим правонарушителям и свертывании нежелательных судебных процессов. Этот разрыв с традиционным толкованием права был особенно очевиден, поскольку мы только что детально прошли курс об учении Монтескье и его системе разделения властей.

Я должен был считаться с возможностью нового призыва в армию. На это указывал и досрочный экзамен, поскольку его главная цель состояла в том, чтобы как можно быстрее поставить вермахту свежее испеченных «стажеров (К)», где «К» обозначало экзамен по нормам военного времени. Но прозябать в какой-нибудь резервной части или военном учреждении казалось мне бесцельным и маложелательным.

Поскольку я уже давно пришел к мысли, что практический опыт работы в полицейской службе мне не повредит, а информативное ознакомление с деятельностью различных полицейских учреждений во время каникул было в силу обстоятельств коротким и поверхностным, я предложил свою кандидатуру на регулярные курсы по подготовке комиссаров уголовной полиции. Мотивировкой являлось то, что мне хочется дополнить мое обучение как кандидата на полицейскую службу. По окончании этих курсов я бы ликвидировал разрыв между мной и моими старшими товарищами, обучавшимися на закрытых курсах, и, сэкономив время, сделал бы большой шаг вперед. Кроме того, мое денежное содержание равнялось бы ставке комиссара уголовной полиции, а не простого стажера. Это создавало материальные предпосылки для женитьбы.

Мою просьбу удовлетворили, и я был зачислен на очередные курсы по подготовке кандидатов на должность комиссара уголовной полиции. Заниматься на курсах предстояло с июля 1942-го по март 1943 года. Я оказался единственным кандидатом из числа лиц свободной профессии и составлял конкуренцию почти тридцати полицейским со стажем, которые с большим трудом пробивались вверх по служебной лестнице и надеялись увенчать этими курсами свою карьеру. Правда, я не смог документально подтвердить подготовительную практику на полицейской службе в течение 23 месяцев, предписанную для кандидатов на должность комиссара уголовной полиции из числа лиц свободной профессии. Однако в порядке исключения мне засчитали учебу в университете по спецнабору и краткую практику в полиции во время каникул. Как я преодолел разрыв между мной и моими сокурсниками, значительно превосходившими меня по практике работы, являлось уже моей заботой. Надо сказать, что духовное убожество некоторых слушателей курсов было ужасающим, их кругозор простирался лишь от полицейской каски до носков сапог. Уже только поэтому я не думал осрамиться. Я был молод и привычен к умственному труду, так что за девять месяцев на курсах не ожидал особых трудностей. Требовалось только немного внимательности и хорошая память, чтобы перенять у моих коллег практические приемы работы и усвоить их профессиональный жаргон. По всем юридическим дисциплинам я знал все, чему учили на курсах.

Выполнение заданий после утренних лекций было рутинным делом, которым мы обычно занимались группой. Обладая навыком к записи лекций, быстрым умом и врожденной склонностью к систематизации, я брал на себя запись лекций, а затем диктовал их одному из коллег на стенограмму. Тот отпечатывал несколько экземпляров текста и раздавал всем участникам нашей небольшой группы. Третий занимался изготовлением чертежей, графиков и т. п. Применяя этот рациональный метод, мы экономили много времени. Такая система разделения

труда очень помогала мне в последующем, когда надо было организовать работу рационально и объединить свои усилия с другими для достижения большей эффективности. Я никогда не принадлежал к числу тех, кто стремится все сделать сам, не доверяя другим. Иначе я не смог бы одолеть тот большой объем работы, который позже мне приходилось выполнять, да еще беря на себя дополнительно функции других моих коллег и тем не менее делая все удовлетворительно и даже успешно.

Это разделение труда во время учебы на курсах дало мне возможность дополнительно посещать во второй половине дня или по вечерам лекции в университете, чтобы подготовиться к экзаменам по нормам военного времени.

Если мне легко давались на курсах предметы, имеющие отношение к полицейской службе, то по такому предмету, как «мировоззренческая подготовка», у меня возникли трудности. Здесь было разумнее не пускаться в диспуты и не показывать, что я гораздо подробнее, чем это допускалось, занимался изучением других философских систем, конечно «декадентских». Но без дискуссий все же не обошлось.

Когда учеба на курсах подходила к концу, я с некоторым опасением ожидал выпускных экзаменов. Я мог получить по предмету «мировоззрение» либо высшую оценку за активное участие в дискуссиях и умение защищать свои взгляды, либо, чего и опасался, низшую оценку за идеологические отклонения. Но во время неофициального предварительного экзамена доцент, который вел этот предмет, кстати, преподаватель физкультуры по основной профессии, дал мне, в отличие от моих коллег, не обязательную – узкую и рассчитанную на короткое время – тему для выступления, а тему на выбор для специального доклада на 10–15 минут. Я смог так усложнить все дело, произвести на него такое впечатление количеством цитат и ссылок на литературные источники, что он решил, будто я исключительно интенсивно и сверх программы занимался его предметом. Это, по его мнению, мог позволить себе только тот, кто уже разделался с главными обязательными заданиями. А вообще результаты экзаменов больше зависели от случайных факторов, чем от подлинных знаний кандидатов.

Письменные и устные выпускные экзамены на курсах закончились для меня благополучно. Нервозность, которая была у моих коллег, меня не охватила, а уверенное поведение на устных экзаменах дало мне плюсовые очки и избавило от более интенсивного опроса. По всем предметам я получил высшие оценки, сдав экзамены лучше всех остальных, хотя они имели за плечами до десяти лет стажа полицейской службы. Это явилось многообещающим результатом для самого молодого слушателя курсов, да еще «аутсайдера», который числился в уголовной полиции, а не в государственной тайной полиции (гестапо), как большинство других слушателей. Как показывал опыт, такое успешное окончание курсов могло выгодно сработать позже, при распределении на службу. Мне, например, можно было высказать три пожелания насчет места службы. Кроме того, это подавало надежду на скорое повышение.

Итак, в марте 1943 года я стал комиссаром уголовной полиции и кандидатом на руководящий пост в охранной полиции. Я собирался писать докторскую диссертацию по проблемам преступности среди молодежи, однако вскоре трудности военного времени вынудили меня отказаться от этой мысли, но, как я считал, ненадолго.

Конечно, мне совсем не понравилось то, что меня после короткого пребывания в уголовной полиции Дрездена перевели в Верхнюю Силезию, где я должен был отслужить обычные «испытательные полгода». Верхняя Силезия считалась тогда чем-то вроде штрафной колонии, места ссылки. Как лучший выпускник курсов, я мог надеяться и на более престижное место. Мой выходивший за рамки обычного устный демарш перед начальником управления кадров всей уголовной полиции получил обезоруживающий ответ, из которого я узнал, что получение отличных оценок не всегда дает преимущества. Мне было разъяснено, что нехватка персонала в руководящем эшелоне уголовной полиции заставляет отозвать из города Гляйвица в Верхней Силезии последнего комиссара уголовной полиции со стажем. А поскольку тамошний

начальник уголовного отдела – господин с тяжелым характером, то выбор пал на меня, так как известно, что я не дам себя в обиду. Это, конечно, меня слабо утешало в свете того, что мне, по-видимому, предстояло. Но, говорил я себе, шесть испытательных месяцев пройдут быстро, а после я уж найду себе другое применение и другое место службы.

Условия службы в Гляйвице оказались действительно малоприятными. Шеф был из выслужившихся шуцманов и представлял собой тот тип полицейских кайзеровской эпохи, которые полагали, что уже одним своим присутствием и грозным выражением лица они могут обеспечить повиновение и порядок. Какой-либо научной подготовки и даже интереса к знаниям у него не было. Формалист, мелкий несамостоятельный чиновник с замашками суверена, он не переносил, если другие в чем-то его превосходили. С ним трудно было ладить. Я вызвал его немилость уже тем, что мои результаты на занятиях спортом оказались лучше, чем у него, хотя что тут удивительного, я был на сорок лет моложе. Однако он воспринял это как посягательство на свой авторитет. Но вскоре мне представилась возможность подать рапорт с просьбой о переводе. В нашем полицейском участке произошли служебные неурядицы, при разбирательстве которых вышестоящие инстанции признали мою правоту, и я даже получил поощрение.

К этому времени мое личное дело комиссара уголовной полиции уже украшала пометка «годен к руководящей работе», что подтверждало квалификацию для занятия руководящей должности на более высокой служебной ступени. Когда мой рапорт о переводе рассматривался в Берлине, как раз поступил запрос из VI управления РСХА о направлении в его распоряжение квалифицированных руководящих сотрудников в связи с необходимостью расширения этого ведомства. В первую очередь имелись в виду кандидаты на руководящую работу. Все они имели высшее образование, в какой-то степени знали иностранные языки и уже давно оставили службу в своих родных местах в связи с переводом в другие полицейские ведомства.

В VI управление были переведены многие мои приятели с закрытых курсов, а вместе с ними и я, поскольку в это время рассматривался мой рапорт о переводе. Таким образом, теперь мы встретились как равные коллеги в стенах VI управления Главного управления имперской безопасности.

## Рекогносцировка в джунглях разведывательной службы

Когда я в конце августа 1943 года явился в VI управление РСХА и доложил начальнику группы «Западная Европа» Ойгену Штаймле о прибытии для дальнейшего прохождения службы, я ничего не знал о задачах и структуре этого ведомства, в полном названии которого имелось слово «заграница». Главное здание VI управления находилось в берлинском районе Шмаргендорф на Беркаэрштрассе, 32. Однако там размещалась только часть этого управления. Его служебные здания были разбросаны по всему Берлину и за его пределами. Во время учебы на курсах комиссаров уголовной полиции нас знакомили со структурой Главного управления имперской безопасности, однако о VI управлении нам никаких деталей не сообщили. Было только сказано, что если мы не имеем отношения к этому управлению, то нам и не надо что-либо знать о нем, а если появится необходимость – узнаем. Таким образом, у меня сложилось представление об этом управлении как о весьма важном учреждении. Поэтому я шел туда с большими надеждами.

При поступлении в VI управление я не имел ни разведывательной подготовки, ни соответствующего опыта. Единственными квалификационными данными явились мое высшее юридическое образование и сданный с отличием экзамен на комиссара уголовной полиции.

Мой шеф в течение многочасовой беседы рассказал мне о моей новой работе и познакомил с проблемами внешней политической разведки. Он хотел направить меня в реферат по Швейцарии и Лихтенштейну, руководитель которого и его заместитель должны были в скором времени оставить свои посты, поскольку получили назначение в оккупированные районы. Передо мной поставили задачу, как можно быстрее и полнее освоить работу, чтобы впоследствии возглавить этот реферат.

Таким образом, я должен был одновременно изучить общие проблемы и методы разведывательной работы, а также конкретные задачи и возможности указанного реферата. Под общей проблематикой имелось в виду знакомство с тем, что такое разведывательная работа вообще, чем отличается политическая разведка от военной, как они разграничиваются, как работают обе эти службы, какие средства и возможности находятся в их распоряжении, с какими учреждениями можно сотрудничать, как подыскивается, вербуются и вводится в действие агентура, как создаются для нее каналы связи, то есть возможности передачи ею информации для секретной службы. Прежде всего требовалось полностью освоить, какого рода информация интересовала эту службу. Здесь надо было развить и поддерживать правильную интуицию, что во все времена являлось решающим для любого сотрудника разведывательной службы. Ему всегда следовало держать нос по ветру, чтобы заранее позаботиться о знании таких вещей, которые могут стать актуальными только спустя недели или месяцы, с тем чтобы, когда эти сведения потребуются начальству, они уже были в наличии.

Проще всего, пожалуй, проходило освоение специфических проблем моего реферата, поскольку ежедневная работа с текущей корреспонденцией и ведущимися делами давала возможность легко составить представление о положении в Швейцарии. Кроме нескольких вступительных бесед, я никаких особых разъяснений не получил. В конкретных случаях мне надлежало контактировать с моими коллегами и получать от них помощь. К этому я прибегал, чтобы как-то почувствовать твердую почву под ногами. Руководитель моей группы в заключение первой беседы сказал: «Пройти этот вступительный „засушливый“ период должен каждый начинающий сотрудник, но, оценивая вас, я полагаю, что скоро вам ничем другим не захочется заниматься. У нас перед вами открыты все возможности, больше, чем в любом другом ведомстве. Итак, желаю успеха и хорошей выносливости, чтобы устоять на ногах».

На первых порах я считал необходимым ознакомиться с учреждениями, которые имели отношение к вопросам разведки, узнать о разграничении компетенций и разделении задач,

о координации и сотрудничестве. И прежде всего изучить структуру Главного управления имперской безопасности и задачи его управлений. Мне хотелось кое-что выяснить и насчет работы абвера, то есть подчиненного верховному командованию вермахта отдела заграничной военной контрразведки, прерогативой которого являлся и военный шпионаж. Но мне, конечно, в первую очередь и сразу же пришлось заняться текущими делами, чтобы на практике освоить то, что относилось к самой разведывательной работе, то есть добыче секретной информации.

Будучи молодым и бойким по характеру, я старался приобрести все знания, которые считал для себя нужными, обращался ко всем коллегам, кто мог бы меня просветить и изъявлял готовность рассказать новичку хоть что-нибудь о своей работе. Тем самым уже в начале моей карьеры в секретной службе я нарушил существующие правила конспирации и секретности. Так называемый приказ № 1, подписанный Гитлером, преследовал как раз обратные моим цели: никто не должен знать больше, чем требовалось для его непосредственной работы.

О работе СС и полиции я имел некоторое представление, но многое из того, что я увидел вблизи, неожиданно оказалось совершенно другим, чем представлялось на расстоянии. Прежде всего, трудно было распознать, что такой производящий внушительное впечатление монолит, как СС и полиция, в действительности оказывался таковым только внешне. Внутри же велась постоянная борьба за влияние и руководящие должности. Отсутствие единства и соперничество среди руководящих работников были наиболее яркими чертами внутреннего положения в РСХА и полиции. Конечно, рядовые сотрудники мало что знали об этом.

Чем интенсивнее велась подготовка к войне после прихода к власти нацистов, тем шире и централизованнее становился аппарат полиции и секретных служб, не в последнюю очередь для подавления оппозиции внутри страны. В начале Второй мировой войны было создано Главное управление имперской безопасности (РСХА). Приказом рейхсфюрера СС и начальника немецкой полиции в министерстве внутренних дел от 27 сентября 1939 года в РСХА объединялись под началом Гейдриха главное управление охранной полиции министерства внутренних дел, главное управление безопасности при рейхсфюрере СС, управление государственной тайной полиции и управление уголовной полиции. Об объединенных в РСХА ведомствах Гейдрих в 1941 году будто бы с удовлетворением сказал, что о них будут говорить «со смешанным чувством боязни и ужаса», что они станут известны своей «жестокостью и граничащей с садизмом бесчеловечностью и бессердечием».

РСХА, объединявшее сразу после своего создания шесть управлений, к середине 1940 года расширилось до семи. Эта структура сохранялась до конца войны, хотя в отдельных управлениях менялись задачи, проводились перегруппировки и организационные перестановки. Кадры, обучение и подготовка, организационные, административные и правовые вопросы находились в ведении I и II управлений. Центры внутри- и внешнеполитической деятельности СД<sup>5</sup> находились в управлениях III (внутренняя СД) и VI (внешняя СД). Охранная полиция продолжала свое существование в управлениях IV (изучение противника и борьба с ним – гестапо) и V (борьба с преступностью – уголовная полиция). VII управление (изучение и использование проблем мировоззрения) занималось анализом литературы по вопросам идеологии и других аналогичных информационных материалов.

О целях создания РСХА, ориентации его управлений и переплетающихся между собой задачах охранной полиции и СД, особенно о взаимодействии гестапо и СД, было написано много докладных записок, исследований и заключений экспертов, исходивших в основном из главного управления СД. Концепции, разработанные в 1938–1939 годах, не оставляют никаких сомнений в том, что, как это позже установил Нюрнбергский трибунал, создание РСХА относится к «шагам, которые вели к агрессивной войне». В одном из исследований особо подчеркивалось, что намеченное «переформирование» идет навстречу требованиям «военных

<sup>5</sup> СД (зихерхайдсдинст) – служба безопасности в гитлеровской Германии. – *Прим. перев.*



инстанций», чтобы, «взяв за основу теорию тотальной войны, установить тотальный контроль за политическим развитием внутри страны и за ее пределами, по крайней мере в верхних сферах политики». В этих целях «слияние СД и охранной полиции» должно стать, как сказал Гиммлер, «еще одной вехой» на будущем «внутригерманском театре военных действий» в деле «последовательного осуществления линии политического развития СС», то есть «в процессе слияния полиции и СС».

Следует отметить, что в то время штабная канцелярия СД была подчинена еще не достигшему даже тридцатилетнего возраста юристу Вальтеру Шелленбергу. После создания РСХА он возглавил группу IV E (контрразведка) в управлении гестапо, а в июне 1941 года принял руководство VI управлением (внешняя разведка). Сын фабриканта из Саарбрюккена, который вырос до бригадефюрера СС<sup>6</sup> и стал ближайшим соратником Гейдриха и Гиммлера, в свое время взял на себя обязательство перед «работающей на полных оборотах организацией» нацистского режима «не давать этой машине остановиться, а находящимся у рычагов управления и постоянно растущим людям доставлять приятное чувство упоения властью». Так писал о себе сам Шелленберг в своих мемуарах. Вступив в 1933 году в СС и НСДАП<sup>7</sup>, он из внештатного шпика гестапо и зарубежного агента СД стал профессионалом секретной полицейской службы в руководящем аппарате СС. Участвуя в разработке упомянутых выше концепций, он не только оказывал прямое влияние на становление РСХА, его структуры и функций, но и сознательно содействовал подготовке Второй мировой войны и других преступлений. Шелленберг сделал стремительную карьеру и быстро стал одной из центральных фигур в РСХА. При изучении его деятельности можно многое узнать о функционировании фашистского конспиративного механизма.

После краха главы абвера адмирала Канариса в структуру РСХА был включен отдел заграничной контрразведки (абвер) верховного командования вермахта, первоначально существовавший самостоятельно под названием управление «Миль» (точнее, военное управление рейхсфюрера СС). Шеф этого управления, полковник Георг Александр Ханзен, причастен к покушению на Гитлера 20 июля 1944 года, что раскрылось несколько позже. Когда его арестовали и казнили, началось быстрое слияние бывшего отдела заграничной контрразведки верховного командования вермахта с VI управлением РСХА.

Управление VI (заграница), как и другие управления РСХА, делилось на группы и рефераты. Одна группа занималась организационными и административными вопросами, остальные же были созданы по политико-географическому принципу. Например, группа VI C занималась районами русского и японского влияния, VI D – англо-американского, VI E – Центральной Европой. Я попал в группу VI B – «Западная Европа». Реферат VI B 3 ведал Швейцарией и Лихтенштейном. В каждом реферате работа велась по трем направлениям: добыча информации, ее оценка и использование, ведение картотеки и архива. Начальники групп и самостоятельных рефератов, в то время имевшие в основном чин оберштурмбаннфюрера или штурмбаннфюрера СС<sup>8</sup>, что равнялось на гражданской службе старшему правительственному или правительственному советнику, составляли руководящий штаб Шелленберга.

Мой начальник Штаймле, до того как я с ним познакомился, входил в состав одной из тех «айнзацгрупп» СС, которые совершили тягчайшие преступления в Советском Союзе. После войны в ходе процесса по делу «айнзацгрупп» он был приговорен американским судом к смертной казни, но, как и во многих других подобных случаях, после нескольких лет заключения в тюрьме для военных преступников в Ландсберге его освободили.

<sup>6</sup> Соответствует званию генерал-майора. – *Прим. перев.*

<sup>7</sup> Партия национал-социалистов, основанная Гитлером. – *Прим. перев.*

<sup>8</sup> Соответственно подполковник и майор. – *Прим. перев.*

Группа Штаймле состояла из следующих рефератов: Бельгия, Голландия и Люксембург (VI В 1), Франция (VI В 2), Швейцария и Лихтенштейн (VI В 3), Испания и Португалия (VI В 4). Когда я начал службу в этой шпионско-подрывной группе, то оказался далеко не единственным новичком. В то время в РСХА и особенно в управлении внешней разведки осуществлялись крупные кадровые перестановки, вызванные значительным увеличением числа сотрудников. Опытные специалисты по руководству агентурой направлялись в оперативные зоны, то есть непосредственно в места действий разведки, а в берлинском центре и его филиалах их заменяла молодежь из СД или СС, в основном с высшим образованием или из числа окончивших специальные курсы. Поступали кадры и из сферы штатских чиновников. Шелленберг рассчитывал добиться таким образом «более восприимчивого качества руководства», чтобы лучше соответствовать изменившейся военной обстановке.

Наше начальство считало необходимым воодушевить нас тем, что, мол, во всем Главном управлении имперской безопасности чувствуется «свежий ветер», так как руководство назначило надлежащего шефа РСХА. После гибели Гейдриха, который на посту имперского протектора Богемии и Моравии был произведен в обергруппенфюреры<sup>9</sup>, Гиммлер сначала сам руководил РСХА, пока весной 1943 года не назначил на пост шефа СД и охранной полиции обергруппенфюрера Эрнста Кальтенбруннера.

Помимо охранной полиции (гестапо и уголовная полиция), которая не имела права действовать против служащих вермахта, внутри вермахта имелась еще тайная военная полиция (ГФП). Созданная на время войны, она в основном состояла из призванных на военную службу полицейских. Согласно директиве, изданной шефом верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем за шесть недель до нападения на Польшу, в задачи ГФП входило подавление «всех враждебных народу и государству устремлений» в гарнизонах, а также в районах боевых действий и оккупированных вермахтом областях и «проведение полицейского расследования в случаях государственной измены и измены родине, шпионажа, саботажа, порчи военной техники, дезорганизующих или разлагающих действий, а также при прочих наказуемых действиях против государства и вермахта». Эта директива предписывала ГФП сотрудничать в пределах германского рейха непосредственно с гестапо. В результате такого сотрудничества ГФП была в 1942 году подчинена охранной полиции, хотя и продолжала свою зловещую деятельность в фашистском вермахте. С шефом ГФП оберфюрером<sup>10</sup> Вилли Крихбаумом у меня было мимолетное знакомство осенью 1944 года. В начале пятидесятых годов я его снова встретил уже в качестве вербовщика в ФРГ бывших сотрудников гестапо и СД для организации Гелена<sup>11</sup>. Об этих встречах я еще расскажу.

Работая в разведке, одной только верностью «третьему рейху» да здравым умом обойтись было нельзя. Этому ремеслу, как, впрочем, и любому другому, нужно было научиться. Но не меньшее значение, чем соответствующее образование, здесь имели также удача и нечто вроде шестого чувства.

Разведывательная служба, по крайней мере в ее административной части, является таким же учреждением, как и другие. Есть распределение обязанностей, организационные планы, которые определяют, кто какую задачу решает, то есть в этом смысле – все как в обычном государственном учреждении. И все-таки разведку нельзя сравнить ни с одним учреждением. Скажем, в ведомстве по учету земель каждый чиновник отвечает за какой-то округ, регистрирует все поступающие оттуда сообщения об изменениях в землепользовании и владении, взимает налоги и пошлины, назначает новые обмеры земельных угодий, то есть одна и та же все время повторяющаяся работа, в которой практически ничего не меняется. В разведывательной

<sup>9</sup> Генерал. – *Прим. перев.*

<sup>10</sup> Чин полковника в СС.

<sup>11</sup> Секретная разведывательная служба в Западной Германии. – *Прим. перев.*

же службе может совершенно внезапно возникнуть новая ситуация, и, чтобы к ней приспособиться, потребуется полная реорганизация труда.

Для разведывательной службы не годится застывшая структура, как для других учреждений. Разведка должна быстро приспосабливаться к новой ситуации и в организационном, и в кадровом отношении. Определенная степень организации труда требуется везде, но она особенно необходима в разведывательной службе, иначе сводится на нет всякая направленность и целеустремленность в работе. Кроме того, отдельные сотрудники в разведывательной службе пользуются значительно большей самостоятельностью в принятии решений и более широкими полномочиями, чем одинаковые по служебному положению и категории оклада служащие других учреждений.

Источники внешней разведки после их проверки и постановки на учет получали так называемый номер V. Буква V означала и означает сейчас в западногерманской разведывательной службе начальную букву немецкого слова «фертрауэнсперзон» – «доверенное лицо». Это лицо, которое пользуется доверием секретной службы, тайно работает на нее и для защиты переписки с ней использует цифровой шифр. Для обеспечения анонимности такого лица оно во всех документах проходило под номером. В касающейся его внутренней переписке, например при оформлении денежных переводов и пр., назывались не имя и фамилия, а только его номер.

Кто скрывается за тем или иным номером, знал только сотрудник, занимающийся данной страной, но его об этом очень редко спрашивали даже имеющие на это право. Как правило, лицо, получившее обозначение V, знало, что работает на немецкую секретную службу, то есть делало это сознательно. Только в некоторых случаях отдельные доверенные лица не знали, на какую конкретно службу они работают, но им было известно, что они действуют в пользу германского рейха.

При применении цифровых шифров каждая страна получала кодовый номер, что облегчало использование полученной информации в центральной картотеке, ведь компьютеров тогда еще не было. Для всех резидентур, действовавших в данной стране или работавших против нее с территории третьих стран, также существовали цифровые кодовые группы для прикрытия их доверительных источников. Для моей страны, Швейцарии, существовал код 144, наш резидент там (на жаргоне VI управления – главный уполномоченный) имел кодовый номер 7900. Все завербованные им доверительные источники получали соответственно номер, который обязательно начинался цифрами 79.

Были источники, знания которых мы использовали, но сами они об этом никакого понятия не имели и даже, может быть, не хотели этого. Такие источники получали псевдоним, ставившийся после их кодового номера, например 144/7923/Соломон.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.